

**ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ АДЫГОВ В ЛИТЕРАТУРЕ
(на опыте творчества А. Кешокова, И. Машбаша,
Б. Утижева, М. Адзинова)**

Баков Хангери Ильясович, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), kbigi@mail.ru

В статье впервые рассматриваются в сравнительно-типологическом плане романы адыгских писателей Алима Кешокова, Тембота Керашева, Аскерби Шортанова, Исхака Машбаша, русскоязычного черкесского писателя Мухамеда Адзинова, а также драмы Бориса Утижева, посвятивших свои произведения сложной и во многом трагической истории адыгов (черкесов). Особое внимание уделено проблеме историзма, вопросам художественного мастерства представленных писателей. Отмечается, что в первые десятилетия эволюции новописьменных литератур народов Северного Кавказа в литературном процессе непомерно много места занимали историко-революционные романы, сюжеты которых были однотипными.

Масштабные прозаические произведения в этих литературах достигли более высокого уровня в конце 50 и 60-е годы XX века, что связано с тем, что в этот период раскрылись во всей полноте такие яркие творческие индивидуальности как Т. Керашев, А. Кешоков, А. Шортанов, И. Машбаш. Самым плодотворным из них является И. Машбаш, издавший двадцать романов исторического плана.

В статье делается упор на исследовании его нового романа «Дорога смерти», изданного в 2019 году. Он посвящен Канжальской битве 1708 года между адыгами и войсками Крымско-татарского ханства, грабившими северокавказские народы и облагавшими их непомерной данью. Отмечено, что писатель сумел создать убедительные национальные характеры персонажей, имеющих реальных прототипов, из которых образ Кургоко Атажукина – несомненно самая большая удача писателя.

Рассматриваются в сравнительном плане также трагедии Б. Утижева «Эдип» (раскрыта творческая судьба произведения), «Тыргатао» и др. В статье отмечается новаторство в сюжетостроении романа М. Адзинова «Непокоренные». Обращается внимание на индивидуальные особенности стиля каждого из авторов и отмечаются общие закономерности адыгского исторического романа.

Ключевые слова: Историзм, сюжет, образ, национальный характер, эволюция, новаторство, исторический роман.

Проблемы истории актуальны во все времена, и они находятся в поле внимания не только самих историков, но также политологов, социологов, этнологов, литераторов, искусствоведов. К сожалению, события и факты прошлого периодически пересматриваются, и не всегда для достижения исторической правды.

Писатели тоже принимают активное участие в воссоздании реальной картины истории своих народов или же ее индивидуальном художественном осмыслении. На этом поприще литературы с многовековыми традициями достигли более значительных успехов. Представители новописьменных народов из-за отсутствия письменности до XX века были лишены возможности свободного и при этом эстетически мотивированного обращения с историческими реалиями.

Еще адыгские писатели-просветители, творившие на русском языке в XIX веке затрагивали вопросы истории, но только с 30-х годов прошлого века можно

говорить о планомерном освоении темы исторического прошлого адыгов. Как и у многих народов Кавказа, оно началось в русле историко-революционных романов.

Только начиная со второй половины прошлого века, историческая проза адыгов по-настоящему обогатилась произведениями более многообразной тематики и стилистики.

Парадоксально, но очевидным надо признать факт: адыги (черкесы), – самый многочисленный этнос в прошлом на Кавказе, имеющий древнюю и богатую историю, – не смогли ее системно осмыслить, воплотить в научные труды, в произведения литературы и искусства. Успехи историков были связаны в основном освещением русско-кабардинских отношений и политической историей XX века, а не гражданской историей. А без основательных исследований историков писатели обречены полагаться на собственную интуицию и богатство фантазии.

В результате Великой Октябрьской революции 1917 года к власти пришла одна партия, которая провозгласила «диктатуру пролетариата», а на самом деле началась эпоха диктатуры большевизма. Литература в основном попала под пресс идеологии этой партии. Вполне естественно, что первые романы в новописьменных литературах были посвящены революции и ее результатам, созданию образа «советского человека», рожденного новой социалистической действительностью. В этом русле появились романы в адыгской литературе: «На берегах Зеленчука» Халида Абукова (1930); «Зарево» Магомета Дышекова (1934); «Дорога к счастью» Тембота Керашева (1947 – Государственная премия за 1948 г.).

Первые два автора были репрессированы в 1937 году несмотря на то, что их произведения полностью вписывались в каноны «революционного романа». Судьбы арестованных порпою не могли узнать тогда даже ближайшие родственники. Так, только в настоящее время нам удалось установить дату и место расстрела Халида Кучуковича Абукова (1900 – 27.10.1937), автора первого романа в адыгских литературах [Баков 2018: 111–116]. Не все факты репрессии выяснены по отношению и к другому черкесскому романисту Магомету Дышекову.

Тембот Керашев избежал этой страшной участи даже впоследствии получил впоследствии всесоюзную известность. Для своего времени его роман «Дорога к счастью» стал значительным явлением. Парадоксально, но современные читатели и критики считают самыми ценными и востребованными его исторические новеллы, повести, созданные после известного романа («Дочь шапсугов»; «Абрек»; «Мечь табунщика»; «Мужество» и др.). Именно в них автор создал национально-самобытные характеры.

Данное явление носит типологический характер и в полной мере относится к творчеству Алима Кешокова, который тоже получил высокую премию за историко-революционную диологию (он впервые ввел в адыгский литературный процесс жанр диологии) «Вершины не спят». Эти произведения не полностью соответствовали в жанровом отношении «классическому историко-революционному роману». Если судить по форме изложения, своеобразие романа А. Кешокова заключалось в сказовости повествования. Главы напоминают стилизацию под «хабары» адыгского фольклора (Хабар – повествование, близкое к рассказу и повести). В плане содержания и образостроения писатель уже в первом романе решительно отказался от навязанного официальной идеологической доктриной принципа черно-белой интерпретации событий и образов. Его персонажи полифоничны, а описываемые события оцениваются не всегда однозначно, а в контексте сложного и неоднородного времени. Дилогия исторична по своей сути, здесь есть этнографические и биографические элементы (образ Лю), некоторые персонажи, главные в том числе (образы Инала Маремканова и Казгирея Матханова) имеют реальных прототипов.

Следует отметить, что следующие романы автора «Сломанная подкова» о Великой Отечественной войне и «Корни» получили более высокую оценку у

читателей и критики, нежели роман о революции. На наш взгляд, в этом зеркально отразилось то обстоятельство, что в первые десятилетия становления молодых литератур особенно в оценке произведений мнение политиков и идеологов играло решающую и не всегда позитивную роль.

Писатели впоследствии, хотя и медленно, но освобождались от идеологического пресса. Это наглядно просматривается в произведениях о Великой Отечественной войне. Заслуга в этом принадлежит ярким творческим индивидуальностям, проявлявшим объективный взгляд на факты реальной действительности. К ним в первую очередь – можно отнести Алима Кешокова и Исхака Машбаша, которые позволили себе подвергнуть критике некоторых партийных руководителей (А. Кешоков в романе «Сломанная подкова» художественными методами описал неумелые действия отдельных деятелей республиканского масштаба в период оккупации фашистами республики, за что впал в немилость и был жестко преследуем. И. Машбаш в своем романе «Сто первый перевал» сделал отрицательным персонажем офицера КГБ Даримока, чем вызвал резкое возражение даже со стороны издателей. После жарких споров нашли выход, заменив образ офицера КГБ на офицера МВД. Только после этого публикации роман был открыт путь к изданию [Машбаш 2012: 300–303].

Интересно отметить, что и А. Кешоков и И. Машбаш – убежденные коммунисты, занимали в свое время сравнительно высокие партийные и государственные должности. Но в творчестве они проявили мужество, переступили через партийные установки и предпочли объективное изображение реальных фактов в сложный и трагический период истории страны. Этих замечательных писателей роднит многое. Они пришли к прозе большого формата будучи уже широко известными поэтами, «задвинуть» их, вытеснить из ряда официально канонизированных «номенклатурных» национальных писателей было затруднительно даже для всесильных партийных инстанций. Это позволило им выстоять в конфликте с властями и поднять на новый художественный уровень адыгскую романистику.

Не смог избежать влияния идеологического пресса кабардинский писатель Аскерби Шортанов, одним из первых обратившийся к теме истории адыгов в романе «Горцы» (1954). Автор показал сложные взаимоотношения России и Кабарды. Это многоплановый исторический роман, в котором много персонажей, представляющих разные слои России и северокавказских народов. Царизм представлен персонами графа Гудовича, генералами Ермоловым, Вельяминовым, комендантом крепости Волковым и др. Большинство из персонажей данного ряда имеет своих исторических прототипов. Есть и подлинно художественные герои – врач Степан Солнцев, офицер Рошин и др. Задействованы и представители народов Кавказа – осетин, чегемцев, дагестанцев, но основное внимание уделено кабардинской знати и простым людям, переносившим основную тяжесть страданий в Русско-Кавказской войне. А. Шортанову удалось воссоздать действительность первой половины XIX века, для чего он использовал архивные данные, документы, факты. Роман дважды переиздавался, он получил хорошую оценку, но критика указала на то, что автор непомерно идеализировал образ «генерала Ермолова – одного из главных исполнителей политики геноцида адыгов-черкесов-ахиллесова пята романа» [Шакова 2003: 425].

Свою весомую лепту в историческую прозу адыгов внес С.Х. Мафедзев, известный кабардинский ученый-этнолог и писатель. Его перу принадлежит несколько повестей и романов, основанных на исторических событиях: «Черная бурка» (ЩІакІуэ ФьщІэ) – о борьбе с Крымским ханством и Турцией; «Достойные плача» (Гъыбзэ зыхуэфашэ) – роман о начале экспансии Россией Черкесии в период правления Екатерины II; «Медвежьи когти» (Мыщэ лъэбжьанэ) – о Русско-Кавказской войне. В последнем произведении автор создал сложные реалистические образы колонизаторов А.А. Вельяминова, А.П. Ермолова и некоторых

других, преданных вассалов своего императора, посвятивших жизнь служению системе, но по отношению к горцам Кавказа оказавшихся жестокими завоевателями и сатрапами. В отличие от А. Шортанова, С. Мафедзев имел больше возможностей использовать архивные и фольклорно-этнографические источники, к тому же он создавал свои произведения в другое время, когда идеологический пресс партийно-государственного аппарата был гораздо менее жестким. Это позволило ему объективнее судить об исторических лицах, действовавших в трагический для некоторых народов Кавказа период истории.

Значительный вклад в освоении исторической темы внес кабардинский поэт, писатель и замечательный драматург Б.К. Утижев (1940–2008). В своем творчестве он был истинным новатором. Он сочетал в отдельных произведениях элементы поэзии, прозы и драматургии, что редко встречается не только в адыгской, но и всей литературе огромной страны. Все трагедии признанного еще при жизни классиком кабардинской драматургии созданы автором в стихотворной форме. Разные периоды адыгской истории отражены Б. Утижеевым – в трагедиях «Тыргатао»; «Дамалей»; «Князь Кучук»; «Ночь кровопролития (Лъыгъажэ жэщ); «Мазаго». Тема истории звучит и в некоторых стихах и сонетах автора. Критики и литературоведы считают трагедию «Тыргатао» Б. Утижева выдающимся вкладом в адыгскую драматургию» [Шакова 2003: 364]. Первый вариант вышел в 1976 году, а второй, переработанный – в 2000 г.

Б. Утижев первым в нашей литературе обратился к событиям в древнем протoadыгском рабовладельческом государственном образовании Синдика (IV в. до н.э.), к временам сложных и трагических взаимоотношений синдов, меотов и греков-колонистов. Оригинальным стало то, что автор совместил в этом конфликте проблемы государственного масштаба с внутрисемейными и личностными отношениями. Меотская царица Тыргатао связала свою судьбу с Джагатеем – царем Синдики. Трагедия проходит не только через отношения двух генетически родственных народов, меотов и синдов, она втянула в конфликт и семьи двух возлюбленных. Б. Утижев нашел увлекательный сюжет. В образе Тыргатао автор соединил казалось бы несовместимые черты – мужество, женская красота, супружеская верность, материнская добродетель, гражданский долг, патриотизм.

И внешние обстоятельства привели к трагедии, к самоубийству главной героини. Идея произведения Б. Утижева перекликается с идеей «Слова о полку Игореве – объединение земель. Тыргатао борется за объединение сил предков адыгов – меотов и синдов в борьбе с Босфорским царством. За это погибают главные персонажи.

Интересна сценическая судьба трагедии «Тыргатао». Премьера пьесы прошла успешно в 1977 году, но после одной заказной статьи в газете «первые мундиры» посмотрели постановку и... запретили ее постановку. Видимо, партийным функционерам, уверенным в том, что у народов, ставших на путь социализма с помощью Великого Октября, не было в истории значительных фактов. Многие тогда не знали, что у адыгов было в далеком прошлом рабовладельческое государство под патронажем древних греков. Почти на девять лет поэту и драматургу приостановили карьеру: в республиканском издательстве из плана вычеркнули его первую книгу, газеты, журналы почти не печатали его произведения, а следующие пьесы в начале читали и проверяли в обкоме партии. Пьесу Б. Утижева «Мазаго» после репетиции и готовности к сдаче тоже запретили. (Драма написана на основе древней легенды).

Проблемы возникли и с трагедией «Эдип» Б. Утижева, основанной на древнегреческом мифе. После постановки в прессе появилась версия, будто Б. Утижев не автор, а всего лишь переводчик этой замечательной пьесы. В одной из статей драматург высказал пожелание, чтобы литературоведы сравнили его драму с драмами Софокла, Кокто, Вольтера, Сенеки, Сакса, Корнеля, написанными на тот

же сюжет, чтобы убедиться в оригинальности его произведения. Эту просьбу мы выполнили, сравнили данные трагедии с произведением Б. Утижева и убедились, что «Эдип» Б. Утижева не только оригинальное, но и новаторское произведение выдающегося кабардинского драматурга. Автор ставил цель на современном прочтении античной высокой трагедии проверить возможности новописьменного кабардино-черкесского языка. Эта цель тоже выполнена успешно автором, и это позволило без каких-либо скидок на «младописьменность» поставить его в один ряд с великими драматургами прошлого. Результаты наших поисков опубликованы в различных публикациях [Баков 2009: 144–152; Баков 2010: 256–324].

Что касается трагедии «Тыргатао» Б. Утижева, то через несколько лет она прочно вошла в репертуар кабардинского драматического театра, а помимо того, она ставилась на сценах других театров Северного Кавказа и в Сирии на арабском языке. Пьесой Б. Утижева открывалась декада адыгской культуры в Москве.

Успех имела и другая пьеса, основанная на трагедии «Дамалей», построенная на внутренних конфликтах в XVIII веке в Кабарде. Она ставилась в Нальчике, а за рубежом – Стамбуле.

В черкесской литературе в последние годы громко заявил о себе русскоязычный прозаик Адзинов Мухамед Аминович (1950 г.р.), который после нескольких рассказов издал два интересных романа: «На берегах моей печали» (2010) и «Непокоренные» (2014), оба они посвящены трагическим этапам истории адыгов. В первом романе речь идет о взаимоотношениях адыгов и России в XVI–XVIII вв. Автор использует исторические факты, но в ткань произведения вводится значительное количество вымышленных персонажей, не имеющих прототипов. Особое внимание уделено встрече Ивана Грозного с делегацией адыгов под руководством князя Каншао. Этому способствовал Михаил Черкасский, организовавший эту встречу. Интересно построен диалог царя и первостепенного адыгского дворянина. Интересно построен сюжет романа.

Сюжет второго романа М. Адзинова, «Непокоренные», посвящен событиям Русско-Кавказской войны. Главным персонажем здесь является царь Александр Первый. С характеристики царя, который уже не молод и находится в депрессии, начинается роман. Писатель предваряет содержание интересным и оригинальным прологом. Александр Первый был любимцем женщин, а в политическом плане роковой личностью для Наполеона. Здесь же он уже угасает, он надломлен, немощен. Автор использует мистический прием сновидения. Царь молится в спальне, куда проник кто-то, лица которого не видно. Происходит диалог.

Через диалог императора и невидимого персонажа писатель заставляет царя держать ответ за свои деяния, связанные с его личной судьбой и Кавказской войной. Налицо прием раздвоения личности. Это своего рода исповедь историческо-голица. Поднятые в этом диалоге проблемы затем раскрываются М. Адзиновым в тексте романа. Этот прием новаторский. Произведение написано добротным русским языком, его содержание передает и проблемы империи, и менталитет адыгов, боровшихся за свою свободу. Образы колонизаторов выписаны в предельном соответствии с реальными событиями. Это свидетельствует о мастерстве писателя, поздно, но успешно вошедшего в литературный процесс.

Самый большой вклад в изображение событий адыгской истории внес Исхак Машбаш, который недавно удостоен высокого звания «Герой труда». До этого, в начале 80-х годов. И. Машбаш получил Государственную премию СССР за исторический роман «Раскаты далекого грома» о Бзюкском восстании в XVIII веке. Высокую оценку роман получил у читателей и критиков.

Еще ранее, в 70-е годы И. Машбаш обратился к теме истории адыгов. Им, поистине самым продуктивным из адыгских прозаиков, создана внушительная серия исторических романов: «Тропы из ночи»; «Из тьмы веков»; «Восход и закат»; «Адыги»; «Графиня Аиссе»; «Раскаты далекого грома»; «Лазутчик»; «Два пленника»; «Жернова»; «Хан-Гирей»; «Изгнание»; «Чужие среди чужих» и др.

Большинство романов И. Машбаша исследованы в монографии Аллы Цукор «С болью о прошлом, с надеждой на будущее» [Цукор 2018.] Название книги символично, оно передает основную моральную установку автора, реализованную в его исторических романах, посвященных разным периодам истории адыгов, начиная с древнейших времен. И. Машбаш освещает наиболее сложные, часто трагические эпохи, когда решается судьба народа. Исторические романы И. Машбаша, созданные в последние годы, настолько востребованы адыгами, живущими на исторической родине и в зарубежных диаспорах, что уже читатель «требует» от писателя освоения той или иной темы, которая может ликвидировать «белые пятна» нашей истории. Растет обратная связь читателей с писателем. Свидетельство тому – роман «Дорога смерти», изданный совсем недавно. Есть масса откликов на произведение, но критика еще не успела основательно проанализировать роман, поэтому мы, не претендуя на окончательность своих суждений, обратимся к нему «по горячим следам».

Роман посвящен историческому событию, Канжальской битве (1708 г.), произошедшей в Кабарде между адыгами и войсками Крымского ханства, подкрепленными частью турецкой армии. Отношения Крымского ханства и адыгов были сложными и напряженными в течение длительного времени. Если западные адыги были вынуждены искать мирных отношений с опасным воинственным соседом, за которым стояла мощь Османской империи, то Кабарда успешно проявляла строптивый характер и нередко оказывала мощное сопротивление всяческой экспансии. Крымские татары часто совершали разорительные набеги на Северный Кавказ, облагали местные народы непосильной данью, забирали молодых людей, мальчиков, девочек, уводили скот. Однако окончательно утвердить свою власть они не могли.

В самом начале романа И. Машбаш дает краткую характеристику территории проживания адыгов, составу населения, их положению. Здесь же речь идет о сложных и зачастую трагических взаимоотношениях с Крымским ханством, в частности о бесчинствах пришельцев за данью, в частности, калги Шахбаз-Гирея в Бесленее (Он обесчестил сестру братьев-князей Каноковых, за что был убит ими), в 1707 г. крымский хан Менгли-Гирей, пришедший в Кабарду с многочисленным войском дошел даже до унижения князя Атажукина (На возражения князя о непосильной дани хан высыпал горячий пепел из трубки ему на голову). В свою очередь, данникам удалось убить ночью представителей крымских пришельцев в семьях кабардинцев, в которых они останавливались. При последнем наезде крымские татары решили ужесточить поборы и отомстить за предыдущее сопротивление, поэтому количество их войск было огромным.

О серьезной подготовительной работе И. Машбаша к написанию романа «Дорога смерти» (Попутно отметим, что И. Машбаш удачно находит названия своих книг и произведений, которые соответствуют их содержанию) свидетельствует список исторических исследований, авторы которых указаны на с. 5. Писатель посетил места сражений, изучил маршруты движения войск неприятеля, собрал полевой материал, данные фольклора.

И. Машбаш уделяет особое внимание оригинальному построению сюжета в своих произведениях. И в данном случае он нашел интересный сюжет и продуманную композицию. Как и в других романах, здесь в сносках автор использует выдержки из исторических документов для подтверждения правдивости описываемых событий и суждений автора. Это один из принципов сближения художественной правды и правды жизни.

Писатель следит за соответствием текста и требованиями историзма в художественном тексте, что убеждает читателя в подлинности описываемых в произведении событий.

Опорным, главным персонажем, вокруг которого группируются другие действующие лица в романе, является Кургоко Атажукин, бывший в тот период

верховным князем Кабарды. Его романнный образ – несомненная удача писателя. Верховный князь Кабарды наделен чертами, соответствующими национальному характеру адыгов, кодексу адыгского этикета. Мысли, поведение, действия Кургоко Атажукина продиктованы его высоким положением в обществе и осознанием своей ответственности за происходящее.

Кургоко Атажукин много из своих мыслей, тревог, сомнений хранит внутри себя, и это психологически оправданно, ибо народ, гарантом безопасности которого он является находится в сложном историческом положении. Князь должен вселять уверенность в людей, которые должны отстаивать свободу перед многочисленными захватчиками. Ему необходимо также объединить усилия всех адыгов независимо от племенного происхождения и княжеской междоусобицы. В этом направлении К. Атажукин провел огромную работу, проявив незаурядные способности в переговорах с разными представителями разрозненных адыгов и соседних иноязычных народов.

Особое место в системе персонажей романа занимает образ мудреца Джебаги Казаного, к которому во многом прислушивается К. Атажукин.

В романе И. Машбаша среди персонажей есть образы, имеющие реальных исторических прототипов, представителей адыгов, турков, крымских татар. Они представлены в контексте истории своего общества. Их национальные характеры обрисованы с учетом реальной действительности, в которой живут и действуют. Немало и персонажей созданных творческим воображением автора.

В романе персонажи находятся в постоянном движении, в длительных поездках, при которых они обмениваются интересными рассказами, притчами. Они оживляют сюжет и органично подчинены основной идейной канве повествования. Писатель удачно использует средства создания индивидуальности каждого из героев, благодаря чему в романе выведена целая масса образов, оригинальность каждого из которых отмечена колоритными портретными описаниями и языковыми характеристиками. Особо следует отметить богатство языка автора и языка персонажей, которое исходит из того, что И. Машбаш до обращения к прозе достиг высокого уровня поэтического слова в своей поэзии. Великолепны и пейзажные зарисовки, присутствующие почти во всех главах романа.

Роман заканчивает коротким рассказом о самой битве, без натуралистических сцен. Батальные сцены не занимают центрального места, ибо автора интересует не столько живописание исторических событий, а духовная сторона явления. Автор боле подробно сообщает о том, как хоронят погибших – как и со стороны врагов, так и из среды защитников. Эта картина поистине символична и ее гуманистическое содержание оказывается неподвластным ни времени, ни пространству. Хоронят тех и других отдельно, но молитву читают за всех. Писатель ссылается на моральные устои адыгского этикета, основанного на человечности, на высших принципах духовности, которые, в отличие от политических предпочтений вечны.

Интересно и послесловие, в котором И. Машбаш поведал историю о том, что случилось с оставшимися персонажами после тех событий. Это тоже было новым в нашей романистике. Как и в других романах, как верно заметил писатель, на «его кинжале нет крови», он за мир и дружбу между народами. Роман «Дорога к смерти» – значительный вклад в адыгскую прозу.

Подводя краткий итог сделанному обзору, мы можем констатировать, что историческая проблематика в адыгских литературах прошла в своей эволюции этапы от фактографии и идеологической ангажированности до философски-гуманистического осмысления действительности в ее отношении от прошлого (порою достаточно отдаленного и даже мифологизированного) до настоящего со всем сложным клубком проблем современной действительности, в которой невозможно разобраться объективно без исторического и художественного мышления

Источники и литература

1. Баков Х.И. Античные мотивы в кабардинской литературе. (Трагедия Б. Утижева «Эдип» в критике) // Известия КБНЦ РАН. Нальчик, 2009. № 3. С. 144–152.
2. Баков Х.И. Борис Утижев: поэт, писатель, драматург. Нальчик, 2010. С. 256–324.
3. Баков Х.И. О творческой судьбе черкесского романиста Халида Абукова / Вестник АГУ, 2018. № 1. Майкоп. С. 111–116.
4. *Машибаш Исхак*. А что там, за горизонтом? Майкоп, 2012. С. 300–303.
5. *Шакова М.* Шортанов Аскерби Тахирович / Писатели Кабардино-Балкарии. Нальчик, 2003. С. 425.
6. *Цукор А.И.* С болью о прошлом, с надеждой на будущее. Майкоп, 2018. 351 с.

PROBLEMS OF THE HISTORY OF ADYGS IN THE LITERATURE

(the experience of creativity of A. Keshokov, I. Mashbash,

B. Utizhev, M. Adzinov)

Bakov Hangeri Ilyasovich, Doctor of Philology, Professor, Leading Researcher of the Sector of the of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), kbigi@mail.ru

In the article, for the first time, in the comparatively typological terms, the novels of the Adyghe writers: Alim Keshokov, Tembot Kerashev, Askerbi Shortanov, Ishaq Mashbash, the Russian-speaking Circassian writer Mukhamed Adzinov, and the dramas of Boris Utizhev, who dedicated their works to the subject of the complex and to the subject of the difficult subject to the subject of the complex and to the subject of the difficult subject in the subject of the complex and in the same story to the subject of the difficult subject in the subject of the complex of the subject of the complex in the subject of the subject of the complex in the subject of the subject of the complex to the subject of the complex and in the world of the masters of the art of the Umizhev Adventure. Adygei and Kabardians. Particular attention is paid to the problem of historicism in the works of these artists of the word, issues of skill presented by writers. It is noted that in the first decades of the evolution of the newly-written literatures of the peoples of the North Caucasus, historical-revolutionary novels, the subjects of which were of the same type, took an inordinate amount in the literary process.

Major prose in these literatures has reached a higher level since the 60s of the twentieth century, due to the fact that during this period T. Kerashev, A. Keshokov, A. Shortanov, I. Mashbash revealed their bright creative individualities. The most fruitful of them is I. Mashbash, who published twenty novels dedicated to different periods of the history of the Circassians.

This article focuses on the study of his latest novel, *The Road of Death*, published in 2019. It is dedicated to the Battle of Kanzhal in 1708 between the Circassians and the troops of the Crimean Tatar Khanate, robbing the North Caucasian peoples and imposing an exorbitant tribute. It is noted that the writer has managed to create convincing national characters of characters with real prototypes, of which the image of Kurgoko Atazhukin is the undoubted success of the writer.

The tragedy of B. Utizhev «Oedipus» (the creative fate of the work is revealed), «Tyrgatao», etc. are subjected to a detailed analysis. The article also speaks about the novelty of the plot of M. Adzinov's novel «The Unconquered». Noted in the features and patterns of the novels of each of the aforementioned authors.

Keywords: Historicism, plot, image, national character, evolution, innovation, historical novel.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-2-41-116-123